Ливанский вектор турецкой политики: цели, стратегия и риски для региональной стабильности

Комментарий Центра АРВАК, 25.11.2026

Аннотация

Центр АРВАК анализирует визит Билала Эрдогана в Ливан в ноябре 2026 года и рассматривает ключевые цели внешней политики Анкары в Восточном Средиземноморье. Исследуются аспекты турецкого политического, экономического и военного продвижения в регионе, реакция ливанского этноконфессионального общества, а также возможные риски для безопасности Израиля, Ирана и стран региона.

Ключевые слова: *Ливан, Турция, Билал Эрдоган, Ближний Восток, Восточное Средиземноморье, Хезболла, неоосманизм, геополитика.*

1. Официальный визит и статус миссии Билала Эрдогана

В период с 12 по 14 ноября 2026 г. Ливан с визитом посетил Билал Эрдоган – сын турецкого президента Реджепа Тайипа Эрдогана и глава попечительского совета «Фонда распространения знаний». Как следовало из официальных заявлений Анкары и Бейрута, поездка состоялась по официальному приглашению заместителя главы ливанского правительства Тарека Митри.

Формально данный визит не относился к категории событий высокой протокольной значимости. Билал Эрдоган не представляет официальные государственные структуры Турции и не занимает постов на госслужбе. В ливанской дипломатической практике к визитам наивысшего уровня традиционно относятся мероприятия, проводимые по инициативе президента, премьер-министра либо спикера парламента. Приглашение, направленное от имени заместителя главы кабинета министров, обладает более низким протокольным статусом. Однако неофициальное, но существенное влияние Эрдогана-младшего в Турции, а также высокий авторитет Т. Митри в Ливане указывают на то, что инициатива проведения визита фактически исходила от высшего руководства обеих стран. По всей видимости, в Бейруте и Анкаре сочли целесообразным придать этому ключевому политико-дипломатическому контакту формат визита второстепенной значимости, стремясь не давать формального повода для выражения недовольства со стороны Тель-Авива и Тегерана, но при этом направив им четкие внешнеполитические сигналы.

В действительности Неджмеддин Билал Эрдоган рассматривается турецким экспертно-аналитическим сообществом в качестве одного из 4-х ключевых кандидатов от действующей власти на пост главы государства. В число других вероятных преемников входят министр иностранных дел Хакан Фидан, руководитель Национальной разведывательной организации (MIT) Ибрагим Калын и совладелец компании Baykar Сельджук Байрактар. Наблюдатели отмечают систематическую практику делегирования Эрдогану-младшему важных международных миссий и переговорных полномочий, что свидетельствует о его планомерной интеграции в публичную политику высшего уровня и выстраивании конкурентной динамики среди потенциальных кандидатов.

Что касается Тарека Митри, то он является одной из ключевых и уважаемых фигур ливанского политического истеблишмента, поддерживающей устойчивые связи со всеми этноконфессиональными и политическими фракциями страны. Будучи

этническим арабом греко-православного вероисповедания, а также ученым-историком и культурологом с международным признанием, Т. Митри последовательно входил в состав 4-х последних правительств Ливана. Это обусловлено как установленными законодательством квотами для христианских общин, так и его высоким личным авторитетом. По всей видимости, именно данные факторы, наряду с его детальным знанием социокультурной среды Триполи, суннитского населения северных регионов и местных турецкой и туркоманской общин, предопределили решение руководства страны поручить ему организацию визита Билала Эрдогана, программа которого в значительной степени была сосредоточена в Северном Ливане.

2. Программа поездки и ключевые направления переговоров

В день своего прибытия в Ливан Билал Эрдоган, помимо Тарека Митри, провел официальные встречи в Бейруте с президентом страны Джозефом Ауном, премьер-министром Навафом Саламом, спикером парламента Набихом Берри и друзским политическим лидером Валидом Джумблатом. Впоследствии он совершил поездку на север Ливана в Триполи, где посетил мечеть Аль-Мансури, исторический комплекс Мевлевихане, отреставрированный при содействии турецкой стороны, а также провел встречи с представителями местной суннитской общины и турецкой диаспоры. Затем Б. Эрдоган направился в регион Аккар, где состоялись его переговоры с муфтием региона, шейхом Зейдом Баккаром Закарией, и депутатами местного парламента. Согласно данным турецких и ливанских средств массовой информации, в ходе переговоров с представителями региональной администрации, политических и деловых кругов Эрдоган-младший рассмотрел перспективы возобновления эксплуатации аэропорта имени Рене Муавада (Кулейат/аль-Аклаат), а также вопросы восстановления автомобильного и железнодорожного сообщения между Ливаном и Турцией через территорию Сирии.

В рамках переговорной повестки Билала Эрдогана с высшим руководством Ливана в Бейруте центральное место заняли вопросы развития двусторонних отношений. В ходе диалога с президентом Джозефом Ауном рассматривались перспективы всестороннего углубления культурного, политического и экономического партнерства между Анкарой и Бейрутом. Переговоры же со спикером ливанского парламента Набихом Берри были сосредоточены преимущественно на практических аспектах участия турецкой стороны в послевоенном восстановлении южных районов страны, пострадавших в результате боевых действий между Израилем и «Хезболлой».

Выбор Н. Берри в качестве ключевого собеседника обусловлен его статусом представителя шиитской общины Южного Ливана, занимающего пост главы законодательного органа по конфессиональной квоте. Позиции Анкары во взаимодействии с многочисленным шиитским населением Ливана традиционно оставались наиболее уязвимыми. В связи с этим турецкое руководство рассматривает гуманитарное сотрудничество, а также выстраивание общего дискурса на фоне нарастающего противостояния Анкары с Тель-Авивом – главным противником шиитского военно-политического блока – как наиболее эффективные инструменты для формирования взаимного доверия.

Определенно, в ходе переговоров Б. Эрдогана и Н. Берри затрагивалась проблематика движения «Хезболла». Для турецкой стороны принципиально важно понимать текущую позицию официального Бейрута в отношении указанной военно-политической структуры, а также оценки других шиитских фракций относительно перспектив организации в условиях существенного ограничения ее прямых логистических связей с Ираном через территорию Сирии и Ирака. По понятным причинам данная тематика не могла быть отражена в официальных коммюнике по итогам встречи. Аналогичным образом не публиковались подробности консультаций Б. Эрдогана с Н. Берри, Д. Ауном и Н. Саламом касательно инициатив Анкары по предоставлению Ливану военной помощи. Тем не менее ключевым свидетельством продвижения сторонами данного направления повестки стала ратификация ливанским парламентом 12 ноября 2026 года – в день начала визита турецкого гостя – двустороннего соглашения о *«пятилетнем военном сотрудничестве»*.

3. Региональная реакция и оценки аналитического сообщества

Эксперты близкого к «Хезболле» издания *«Аль-Ахбар»* связывают насыщенную программу визита Б. Эрдогана с попытками Анкары укрепить свое политическое, конфессиональное и общественное присутствие в Ливане. Аналогичную позицию занимают аналитики израильского издания *Maariv*, отмечающие стремление Турции расширить зону влияния на Ливан и сопредельную Сирию под предлогом частного характера поездки сына турецкого лидера в Бейрут и Триполи. В свою очередь, аналитические круги и средства массовой информации Саудовской Аравии и ОАЭ указывают, что Эр-Рияд и Абу-Даби, активно развивающие инвестиционную деятельность в регионе, детально отслеживали график встреч Б. Эрдогана с целью оценки рисков ущемления их экономических и внешнеполитических интересов в Ливане. Иранские обозреватели также подчеркивают необходимость повышенного внимания Тегерана к турецкой активности на ливанском треке, поскольку Анкара предпринимает попытки восполнить образовавшийся вакуум силы после ослабления иранских позиций в регионе, вызванного сменой власти в Сирии и полномасштабными боевыми действиями между Израилем и «Хезболлой» в 2026 году.

В целом израильские, иранские и арабские аналитики, а также политические обозреватели сходятся во мнении, что в обстановке региональной турбулентности Ливан находится в поиске надежной внешней опоры, гарантирующей защиту от угроз извне и способной сбалансировать внутриполитическую конъюнктуру. Общественно-политическая ситуация в стране осложнена риском рецидива конфронтации 1970–1980-х гг. по принципу *«войны всех против всех»*. Испытывая существенное военно-политическое давление со стороны Израиля, выражая опасения относительно действий Дамаска и не обладая достаточными рычагами для сдерживания движения «Хезболла», Бейрут вновь сталкивается с угрозой утраты целостности и испытывает потребность во внешнем протекторате. Вместе с тем экспертное сообщество обращает внимание на то, что расчеты Ливана в отношении Турции могут оказаться ошибочными: возможности Бейрута по сдерживанию возрастающего влияния Анкары после предоставления ей статуса фактического геополитического опекуна крайне ограничены. Израильские аналитики подчеркивают, что укрепление позиций Турции не только не защитит Ливан от региональных тектонических сдвигов, но, напротив, приведет к прямому вовлечению

государства в обостряющийся конфликт между региональными державами, что способно стать причиной дестабилизации и распада ливанской государственности.

4. Стратегические задачи Анкары в Ливане

Анализируя программу визита Билала Эрдогана, его встречи и маршруты передвижения, эксперты приходят к выводу, что Анкара стремится в кратчайшие сроки *«заполучить в свое распоряжение»* весь Ливан, его военную, экономическую и ресурсную базу для решения сразу нескольких критически важных для Турции задач.

а. Анкара стремится закрепить свое присутствие на восточном побережье Средиземного моря с целью ослабления позиций военно-политического альянса Израиля, Греции и Кипра в данном регионе.

б. Турецкая сторона предпринимает попытки опосредованно, путем оказания давления на Бейрут, дестабилизировать сложившийся в Восточном Средиземноморье «газовый консенсус», в рамках которого распределение крупномасштабных месторождений «Карши», «Кана-Сидон» и «Афродита», открытых с 2000-х годов, было осуществлено между Израилем, Ливаном и Кипром.

в. Стратегическая цель Анкары заключается в нивелировании влияния шиитских группировок в Ливане и ослаблении военно-политического потенциала проиранской организации «Хезболла», препятствующей установлению конструктивных отношений между Бейрутом и новым правительством в Дамаске. Тем самым реализуется инициатива по формированию суннитского блока на пространстве Леванта.

г. Анкара формирует политико-дипломатическую базу для легитимации собственного военного присутствия в Ливане на основе двусторонних соглашений. Ранее подобное присутствие допускалось исключительно в рамках миротворческой миссии ООН (UNIFIL), мандат которой истекает в декабре 2026 года.

д. Турция намерена интегрировать Ливан в собственные трансрегиональные логистические проекты, что предусматривает установление контроля над средиземноморской портовой инфраструктурой страны и строительство железнодорожной магистрали, которая должна соединить турецкую территорию с Сирией и Саудовской Аравией через Ливан.

5. Формула «консенсус минус один» и сдерживание Израиля

Анализ ключевых содержательных задач поездки Билала Эрдогана в Ливан указывает на формирование Анкарой комплексной стратегии, направленной на ослабление военно-политического присутствия Израиля в Ближневосточном регионе и Восточном Средиземноморье, а также его последующую политическую и экономическую изоляцию. В рамках этой стратегии Турция рассчитывает сформировать антиизраильский военно-политический заслон на северном направлении, а также существенно снизить стратегическую ценность глобального транспортного коридора IMEC, в котором Израилю отводится ключевая роль. Для реализации этих задач Анкара продвигает альтернативные инфраструктурные инициативы – проект «Дорога развития» (Турция–Ирак–Персидский залив) и

программу восстановления Хиджазской железной дороги (Турция–Ливан–Сирия–Иордания–Саудовская Аравия).

Израильское экспертное сообщество единодушно подчеркивает, что ливанская повестка Турции практически целиком завязана на антиизраильской политике и призвана включить Ливан в пространство всецелого влияния Анкары по примеру соседней Сирии. Израильские СМИ сообщают, что практически во всех своих выступлениях и на встречах в Ливане (включая обсуждения экономических, религиозных и культурных вопросов) Билал Эрдоган неизменно затрагивал тему *«агрессивного поведения»* Израиля и необходимость консолидации исламского мира для совместного противодействия исходящей от Тель-Авива угрозе. Кроме того, он систематически обращался к теме необходимости установления прочного союза Ливана с соседней Сирией, где, по его мнению, Израиль ведет *«коварную политику»* по срыву процесса унификации страны под руководством нового правительства Ахмеда аш-Шараа. Билал Эрдоган также неоднократно заявлял о том, что Турция заинтересована в сохранении территориальной целостности и суверенитета Ливана, однако для достижения этой цели все ливанские политические фракции и этноконфессиональные группы, тесно связанные с союзниками и родственными сегментами в сопредельной Сирии, должны противостоять влиянию израильской политики, направленной на подрыв общеисламской солидарности в регионе Леванта.

Русскоязычное израильское издание *CURSORINFO* в данном контексте обратило внимание на встречу Билала Эрдогана с Валидом Джумблатом – одним из ключевых лидеров друзской общины Ливана. В отличие от ряда политических оппонентов в друзских кругах Ливана, Сирии и Израиля, В. Джумблат последовательно отстаивает принцип территориальной целостности Сирийской Арабской Республики (САР) и выступает против сецессии друзских регионов на юге страны. Таким образом, переговоры с В. Джумблатом были призваны продемонстрировать позицию Анкары относительно недопустимости использования израильской стороной и израильскими друзами сепаратистских настроений среди соплеменников в сирийской Эс-Сувейде в качестве предлога для военного вмешательства Вооруженных сил Израиля во внутренний конфликт в Сирии.

По оценкам экспертного сообщества, ключевой посыл, транслированный Анкарой руководству Ливана через Эрдогана-младшего, состоит в предложении провести всеобъемлющую нормализацию двусторонних отношений между Бейрутом и Дамаском. В качестве встречного шага турецкая сторона выражает готовность выступить гарантом безопасности Ливанской Республики в условиях сохраняющейся напряженности в ее отношениях с Израилем. Одновременно Анкара подчеркивает необходимость отстранения от политических процессов движения «Хезболла», поскольку его проиранская ориентация усложняет диалог Бейрута с новыми властями Сирии и формирует риски израильской оккупации южных территорий Ливана. По мнению авторов данной инициативы, обязательным условием успешной реализации плана, призванного обеспечить суверенитет и территориальную целостность страны, является достижение всеобъемлющего консенсуса между всеми этноконфессиональными и политическими силами Ливана – включая христианские конфессии, друзов, алавитов и шиитов – относительно поддержки единства Сирии и признания легитимности правительства Ахмеда аш-Шараа.

По существу, Турция выдвигает формулу *«консенсус минус один»*, предполагающую исчерпывающую маргинализацию военно-политического движения «Хезболла» либо его вынужденную интеграцию в парадигму обновленного протурецкого и просирийского курса Бейрута. Согласно оценкам экспертного сообщества РФ, данный сценарий характеризуется высокой степенью реалистичности, поскольку центральные государственные институты в Бейруте, а также большинство участников политического процесса, включая умеренные шиитские объединения, исчерпали лимит лояльности к «Хезболле». Внутриполитические силы стремятся минимизировать риски дальнейшей дестабилизации и внешнего военного вмешательства, обусловленные бескомпромиссным противостоянием данного движения с Израилем и суннитской администрацией в Дамаске. Если ранее официальные власти Ливана не располагали достаточным потенциалом для прямого противодействия «Хезболле», то в настоящее время Анкара выступает в качестве внешнеполитического гаранта, предоставляющего ливанскому руководству необходимую опору для *«нейтрализации пагубного влияния»* могущественной проиранской группировки в стране.

Сформулированная Анкарой геополитическая комбинация в равной степени несет угрозу стратегическим интересам ИРИ и Израиля. Вследствие утраты контроля над сирийским плацдармом Тегеран рискует окончательно лишиться остаточного влияния в Ливане, что может повлечь за собой распад так называемой *«шиитской дуги»*, прежде простиравшейся до восточного побережья Средиземного моря. Для Тель-Авива, в свою очередь, существенный риск представляет консолидация *«суннитской оси»*, посредством которой Турция последовательно расширяет зону своего влияния и прямого присутствия у северных и северо-восточных границ Израиля. По оценкам ряда израильских стратегических аналитиков и государственных деятелей, формирование турецкого протектората над Сирией и Ливаном на основе суннитского фактора создает угрозу безопасности Израиля, сопоставимую с той, которую ранее представлял проиранский *«шиитский полумесяц»,* а по мнению отдельных экспертов – даже превосходящую ее.

1. Идеология неоосманизма и реакция этноконфессиональных общин

Согласно оценкам экспертов, фундамент новой *«ливанской инициативы»* турецкой дипломатии выстроен на двух ключевых столпах. Во-первых, это укрепление позиций суннитской общины в структуре ливанской политики – именно этой конфессиональной группе, сосредоточенной преимущественно на севере республики, Билал Эрдоган отвел центральное место в программе своего визита. Во-вторых, это попытка апелляции к исторической памяти об османском периоде, который подается как эпоха стабильности, процветания и гармоничного сосуществования всех элементов сложной этноконфессиональной палитры Ливана.

Примечательно, что в рамках своего заключительного выступления в Аккаре (Северный Ливан) Б. Эрдоган систематически обращался к *«благополучному периоду»* истории региона, в который народы Леванта мирно сосуществовали и развивались под эгидой Стамбула благодаря его этноконфессиональной веротерпимости. В связи с этим представляется принципиально важным отметить символическое значение его визита 13 ноября 2026 г. в Триполи и посещения резиденции Сельмы Сибаи – правнучки османского султана Абдул-Гамида II. В контексте традиций турецкой дипломатии,

придающей существенное значение символизму и сакральности, данный жест выходит за рамки частного визита и выступает прямым политическим сигналом о намерениях Анкары претендовать на ключевое влияние и преемственность лидерства в границах бывшей Османской империи. Этот посыл адресован, прежде всего, Израилю и призван продемонстрировать, что сформированная в период правления Р. Т. Эрдогана концепция неоосманизма представляет собой не абстрактную теорию, а последовательный подход к управлению единым османским социокультурным и геополитическим пространством, в рамках которого Бейрут и Иерусалим рассматриваются в неразрывной исторической взаимосвязи.

Использование Эрдоганом-младшим историко-географического понятия *«Левант»* в публичных заявлениях стало еще одним явным сигналом в адрес Израиля. Данная риторика подкрепила стремление Анкары объединить Ливан, Сирию и части иракской территории в стратегическую зону своего приоритетного влияния. Подобные действия представляют собой прямой вызов израильской стороне и открытое приглашение к противостоянию на площадке, где решается исход острой борьбы за лидерство между двумя ключевыми державами Ближнего Востока.

Визит Билала Эрдогана позволил Турции четко обозначить свои стратегические приоритеты в Ливане, а также открыто продемонстрировать ключевые цели и векторы политики в отношении Бейрута. На текущий момент фундаментальным остается вопрос о том, примет ли ливанское государство предложенную систему координат. В Бейруте продолжается всесторонний анализ турецких инициатив, включающий интерпретацию дипломатических месседжей, сопровождавших выступления Эрдогана-младшего. При этом основная сложность для Ливана заключается не столько в достижении консенсуса по поводу турецких предложений между высшими институтами государственной власти – администрацией президента, правительством и парламентом, – сколько в обеспечении поддержки возможного компромисса со стороны влиятельных региональных и этноконфессиональных субъектов, а также общественно-политических движений на местах.

Ливан – продукт слишком сложного, противоречивого и хрупкого исторического опыта сосуществования различных культур, верований и этнических традиций, чтобы допускать принятие судьбоносных решений единолично и без учета интересов всех элементов его политической системы. В стране уже нарастает брожение и усиливаются опасения ряда этноконфессиональных групп (за исключением суннитских сегментов и этнических туркоман) относительно вектора политики Бейрута в контексте турецких инициатив. В этой связи весьма показательна встреча Католикоса Великого Дома Киликийского Арама I с президентом Ливана Джозефом Ауном, состоявшаяся спустя несколько дней после завершения визита Билала Эрдогана. Глава армянской христианской общины Ливана счел необходимым лично от высшего руководства страны получить разъяснения относительно целей турецкого представителя, а также официально выразить обеспокоенность армянской общественности и Церкви в связи с беспрецедентной активизацией Анкары. Армянская диаспора, играющая существенную роль в политической, экономической и культурной жизни Ливана, располагает вескими основаниями для тревоги, обусловленными как историческим опытом прошлого столетия, так и событиями в

Сирии, где турецкое вмешательство привело к постепенному упадку и практически полному исчезновению некогда влиятельного армянского присутствия.

Из-за своей этноконфессиональной и политической неоднородности Ливан на нынешнем этапе не готов однозначно распахнуть двери для Турции. Значительная часть его многогранной общественно-политической структуры обладает собственным видением экспансии турецкого влияния, сформированным на основе исторического опыта. В этих кругах Турция воспринимается не как надежная опора в условиях текущей сложной геополитической ситуации, а как дестабилизирующий фактор, способный ускорить окончательный крах ливанской государственности.